

© 2022

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Ульяновского государственного университета

(г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В ЭКОНОМИКЕ СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проводится комплексный сравнительный анализ механизмов использования энергетических ресурсов нашей страны в Советском Союзе и современной России под углом зрения обеспечения (торможения) развития инновационного сектора отечественной экономики. Раскрывая достоинства и недостатки каждого из этих механизмов, автор обосновывает глубинные причины кардинальной трансформации роли топливно-энергетического комплекса, превращения его из «донора», ранее активно способствовавшего опережающему росту конечных отраслей национальной экономики, в некоего «вампира», ныне препятствующего производству продукции высокой переработки и усиливающего симптомы «голландской болезни». Повышение вклада нефтегазового сектора в высококачественный рост российской экономики в постсанкционный период связывается с решительным отказом от действующего налогового маневра, переориентацией большей доли добываемых энергоресурсов на внутренний рынок при ограничении их экспорта объемом критического импорта, а также жестким ценовым регулированием на отечественном топливном рынке.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, либерализация цен, несбалансированная инфляция, стагфляция, «голландская болезнь», налоговый маневр.

DOI: 10.31857/S020736760020581-8

Природа наградила Россию поистине гигантскими сокровищами. На территории нашей страны расположены 55% мировых черноземов, половина пресной воды, 60% древесины хвойных пород. В мировых запасах никеля доля РФ составляет 36%, железа – 26%, кобальта – 18%, страна входит в первую тройку по запасам алмазов, золота, серебра, титана. При складывающихся тенденциях изменения климата, когда повышение средней температуры воздуха делает все новые и новые территории планеты непригодными для проживания людей, а эпидемии нового типа все шире распространяются по мегаполисам, территориально протяженная Россия с невысокой плотностью населения все более становится подлинной «территорией счастья». Но все же главное богатство российских недр, валовая потенциальная ценность которых составляла в конце XX в. 30 трлн долл., – это нефтегазовые месторождения. Причем столь впечатляющие цифры не могут считаться окончательными, поскольку потенциальная ценность энергетических ресурсов намного выше, и в будущем на территории нашей страны наверняка будут обнаружены новые месторождения. Неслучайно

геополитическая битва за Арктику сегодня только набирает свои обороты, что чревато даже военными конфликтами в связи с предстоящим вхождением в НАТО Швеции и Финляндии, и в ходе нее уже подсчитанное, оцененное в денежном выражении богатство недр России (которое, по утверждению С. Кимельмана, располагается в 5–7-километровом поверхностном слое Земли [6. С. 68]) будет дополнено ныне не разведанным, еще не оцененным их богатством. Правда, избавляет от нездорового оптимизма то обстоятельство, что большинство новых месторождений расположены в районах с крайне суровыми природными условиями и на значительном расстоянии от традиционных рынков сбыта. Сохраняются немалые проблемы и в плане эффективности использования природных богатств.

Безусловно, курс российского правительства на наращивание добычи и экспорта сырья, не лишен некоторых тактических достоинств. Россия является единственной крупной страной, которая не только полностью демонстрирует свою топливно-сырьевую независимость, но и снабжает соответствующей продукцией многие страны мира. Наличие огромных природных богатств потенциально стимулирует приток иностранных инвестиций в нашу страну, что с технологическим прогрессом в добывающих отраслях восполняет дефицит капитала, необходимый для обеспечения эффективной занятости. Ускоренное развитие топливно-энергетического комплекса запускает эффект ускоренного развития технологически связанных с сырьевым сектором отраслей (металлургии, транспорта, стройматериалов, спецодежды, науки, образования и др.), многие из которых являются внутренне ориентированными. Как отмечает К. Овчинникова, нефтегазовый комплекс России порождает один из наиболее мощных инвестиционных мультипликационных эффектов, создавая высокий спрос на продукцию сопряженных с ним производств. Если в Норвегии подобный мультипликатор составляет 1,6–1,7; в США – 2,1; Австралии – 1,8–2,4, то в России – 1,9 [11. С. 47].

Использование нефтяных запасов, действительно, способно стать немалым стабилизирующим фактором в краткосрочном периоде. Как справедливо замечают В. Дасковский и В. Киселев, в состоянии допущенной технологической отсталости в обрабатывающих отраслях едва ли можно обеспечить прожиточный минимум благ населению без обмена имеющихся в изобилии сырьевых ресурсов на импортные товары широкого потребления, современную технику и технологии [5. С. 15]. В критический момент природные богатства оказывают стране временную поддержку. С. Смирнов делает вывод, что «в условиях последнего кризиса наличие значительных природных ресурсов не было причиной глубокого экономического спада. Поскольку падение нефтяных цен в конце 2008 – начале 2009 гг. было довольно кратковременным, для России ее нефтяная специализация в действительности оказалась скорее плюсом, чем минусом» [15. С. 48]. Обложив сырьевой бизнес, помимо традиционных рентных

налогов, еще и немалой сверхналоговой нагрузкой, российское государство решало за счет него немалую часть задач поддержания занятости, содержания и строительства затратных объектов социально-культурной сферы. Так что титанические усилия наших предков позволили нам несколько легче пережить тяжелые кризисные времена. Природные богатства и сегодня, в обстановке беспрецедентного санкционного давления со стороны коллективного Запада, оказываются для России чуть ли не единственным невоенным инструментом противодействия масштабной гибридной агрессии, направленной против нее. В условиях обозначившегося в 2022 г., сразу после общемировой пандемии коронавируса, энергетического кризиса как прямого следствия антироссийских санкций важно переосмыслить роль топливно-энергетического комплекса в отечественной экономике, сравнив ее с советским периодом, о чем речь пойдет в настоящей статье.

Как известно, нефть (получившая свое название от словосочетания «горное масло») издавна используется в качестве сырья в мировом хозяйстве. Еще в древнем Вавилоне строительство зданий предполагало применение нефти. Древние египтяне, а затем и греки использовали ее для освещения. В Багдаде в VIII в. нефть в виде гудрона активно применялась в дорожном строительстве, а в Византийской империи в качестве зажигательной смеси («греческого огня») — в военных целях. Исторически первая информация об обнаружении в российских недрах нефтяных богатств появилась в «Ведомостях» в 1703 г., а с 1745 г. началось их освоение. Но вплоть до середины XIX в. рентабельность подобных разработок была невысока из-за отсутствия массовой потребности в подобном топливе. Действительно, длительное время из нефтяного сырья производился лишь керосин (в свое время, кстати говоря, спасший китов от истребления и заменивший китовый жир в осветительных целях), в то время как крайне дешевый бензин, направлявшийся лишь на очистку тканей от жирных пятен и на спасение населения от вшей, зачастую сбрасывался нефтяными компаниями в водоемы.

В начале XX в. царская Россия была наряду с США явным лидером нефтедобычи, пик которой пришелся на 1901 г., когда в стране было добыто около 700 млн пудов (примерно половина мирового объема). Однако последующий мировой кризис и революция 1905 г., в ходе которой сильно пострадали бакинские промыслы, привели к серьезному спаду в этой отрасли. Хотя подготовка ко Второй мировой войне побуждала советские власти активно поддерживать нефтедобычу, однако ее скачкообразное расширение в Бакинском, Северо-Кавказском и Волго-Уральском нефтегазоносных районах наблюдалось уже в послевоенный период, когда дешевые невозобновляемые энергоносители, извлекаемые из недр, начали активно способствовать стремительному экономическому росту. При этом исповедовалась идея регламентированного наращивания добычи нефти с сохранением значительной доли ее запасов для

будущих поколений. Тем не менее за послевоенное 20-летие добыча нефти резко возросла с 19,4 сразу до 241,7 млн т, что в немалой степени явилось следствием более чем двукратной девальвации рубля в ходе деноминационной денежной реформы 1961 г. (когда золотое содержание рубля вместо ожидаемых 2,22168 г. составило лишь 0,987412 г.), стремительно увеличившей рублевую доходность экспорта советской нефти; впоследствии продолжению роста способствовало открытие в Тюменской области крупнейших Самотлорского нефтяного (1965 г.) и Уренгойского нефтегазоконденсатного (1966 г.) месторождений и, наконец, резкий скачок мировых нефтяных цен, случившийся в 1970-х гг. Исторический максимум нефтедобычи на территории РСФСР был достигнут в 1987 г. и составил 569,5 млн т [3. С. 46], что обеспечивало энергетическую безопасность страны даже в условиях довольно невысокой энергоэффективности. Конечно, немалая доля нефтегазовых сверхдоходов использовалась тогда не вполне рационально, будучи направляемой на энергетическую и финансовую поддержку «братских» режимов в Африке, Латинской Америке, Восточной Европе, Азии, других республиках СССР. Продажа бензина на советском рынке по внутренним ценам, более низким, чем минеральная вода, явно не способствовала бережному отношению потребителей к данному ресурсу. Вместе с тем следует признать, что макроэкономическое предназначение советского топливно-энергетического комплекса, заключавшееся в нивелировании масштабных диспропорций в системе воспроизводства, выполнялось вполне результативно.

Во-первых, предприятия и целые топливные отрасли как ценообразующие отличались невысокой рентабельностью, заметно отставая по этому показателю от отраслей с высокой скоростью оборота капитала (например, легкой промышленности). В ряде случаев использовалось их явное и скрытое субсидирование из бюджетов разного уровня. При этом считалось, что предоставление субсидий является куда более эффективным способом преодоления убыточности многих угольных шахт, региональных энергосистем, поставок газа в отдаленные регионы, пассажирских перевозок и т.п., чем разрешение функционирующим здесь государственным монополистам так или иначе поднимать цены и тарифы, поскольку в последнем случае в стране начала бы интенсивно раскручиваться спираль инфляции в ее советском варианте. Многие из энергетических предприятий покрывали за счет цен и тарифов лишь свои текущие издержки, уверенно перекладывая финансовую заботу о долгосрочных инвестициях на плечи государства. Как и в большинстве других развитых стран, правительственный контроль над нормой прибыли предприятий нефте- и газодобычи осуществлялся посредством установления некоего «потолка» торговых надбавок к ценам на их продукцию, жесткого регулирования паритетов цен на топливо и конечные товары. Как результат, цены энергоносителей на внутреннем рынке сознательно занижались, будучи на порядок меньшими, чем в большинстве зарубежных государств, и такое занижение означало скрытое субсидирование

многочисленных конечных производителей посредством перераспределяемой через ценовой механизм природной ренты. При этом какого-либо ажиотажного спроса, а значит, и дефицита ни бензина, ни электроэнергии, ни мест в электротранспорте не наблюдалось. Подобный механизм ценообразования на промежуточную продукцию исключал возможность установления монопольно высоких цен, повышая степень доступности нефтегазовой продукции для производителей конечной высокотехнологичной продукции.

Во-вторых, вывоз продукции топливно-энергетического комплекса за границу не сопровождался сколько-нибудь значительными потерями для внутреннего рынка, на котором, безусловно, доминирующей оставалась продукция высокого уровня переработки. Так, еще в 1989 г. ее доля в экспорте нашей страны составляла 77%, и этой цифры власти тогда чуть ли не стыдились. Все производители энергоносителей находились в государственной собственности, а значит, выступали в роли активных налогоплательщиков. Природная рента вместе с большей частью прибыли присваивалась государством как единственным владельцем природных ресурсов и добывающих их предприятий. Огромные финансовые возможности федерального бюджета активно использовались для дальнейшего повышения степени инновационности отечественной экономики. Поэтому едва ли справедливым является обозначение ее накануне радикальной трансформации как имевшей «выраженный сырьевой характер, что проявлялось в гораздо более высокой материалоемкости и энергоемкости производимой продукции по сравнению с рыночными экономиками» [2. С. 149]. Затратный характер экономики, который, действительно, был присущ СССР (причем во многом по природно-климатическим причинам) причудливым образом сочетался с ее инновационной отраслевой структурой, в которой, безусловно, преобладающими были не промежуточные, а конечные производители.

В-третьих, в отличие от большинства дефицитных товаров народного потребления, в цены которых входил налог с оборота как главный советский косвенный налог, в цены нефти, газа, другого минерального сырья этот вид налоговых изъятий не включался. Ценообразование здесь опиралось на антиинфляционную формулу «средние издержки плюс нормальная прибыль». Налогообложение «нефтянки» было крайне бережным, чтобы в любом случае не позволять функционирующим здесь монополистам перекладывать высокие фискальные изъятия в свои цены и тарифы.

Как видим, опережающее развитие обрабатывающих отраслей в Советском Союзе гарантировалось тем, что здесь был успешно реализован «комплексный подход, использующий перераспределительные процессы и регулирование цен в закрытой огосударственной плановой экономике» [8. С. 24]. Начиная же с момента рыночной трансформации российской экономики, форсированный экспорт энергетического сырья стал уже все более отчетливо доминировать над его производительным использованием внутри нашей страны. Объективные

географические и почвенно-геологические особенности — обширная территория, богатство недр при относительно небольшом населении — из-за очевидного несовершенства государственной экономической политики стали постепенно определять нынешнее место России во всемирном хозяйстве в качестве крупнейшего поставщика энергоресурсов. Подавляющее большинство ныне функционирующих в нашей стране месторождений нефти и газа были открыты в советский период, а после распада СССР возобладала тенденция к неуклонному разрушению отечественной системы геологоразведки. «Распродажа больших запасов нефти, — утверждает В. Фальцман, — направила российскую экономику по ложному пути» [20. С. 61]. Взяв за основу далеко не безупречную концепцию естественных сравнительных конкурентных преимуществ, власти тем самым стали всемерно стимулировать вывоз за рубеж всех товаров, которые пользуются спросом у нерезидентов. А таковыми товарами как раз и явились энергоносители, при форсированном экспорте которых, по сути, игнорировалась качественная специфика отечественной экономики, где, как подчеркивает А. Корнев, «холодный климат значительно увеличивает затраты на производство ее продукции по сравнению с субтропическим климатом, свойственным, как правило, развитым странам» [8. С. 24].

Тотальная либерализация цен образца 1992 г., с одной стороны, обеспечила адекватное отражение в ценах стоимости ограниченных природных ресурсов, стимулирующее их рациональное использование. Как результат падения спроса, в постсоциалистической России объем нефтедобычи стал резко сокращаться, чему, впрочем, в решающей степени способствовали наступивший глубокий трансформационный спад, а также неспособность экс-советских республик и стран Восточной Европы приобретать топливно-сырьевую продукцию в прежних объемах по высоким мировым ценам с оплатой в долларах.

С другой стороны, в экономическую систему российского общества одновременно вошли монопольные внутренние цены на энергоносители, и это трансформировало «донора», каковым являлся в СССР топливно-энергетический комплекс, в некоего ненасытного «вампира». Раздувание его доли в российском ВВП в качестве явного симптома прогрессирующей в нашей стране «голландской болезни» достигалось через следующие разрушительные механизмы:

- опережающий рост цен в добывающих отраслях сравнительно с ценовой динамикой в обрабатывающих отраслях, использующих их промежуточную продукцию, обеспечивает масштабное перераспределение сюда потоков стоимости, которая создается в конечном сегменте народнохозяйственного организма. В результате такой несбалансированной инфляции уже в 1992 г. уровень поддержки сельского хозяйства России составил минус 110%, что достигалось посредством административного занижения властями закупочных цен на аграрную продукцию и монопольного диктата частных перекупщиков, а также поставщиков требующихся селу энергоносителей. В условиях диспаритета цен

год от года воспроизводится ситуация, когда крестьяне работают в поле, инженеры трудятся на оборонном заводе, а создаваемая ими добавленная стоимость оседает в кармане работников, занятых в нефтяных и газовых компаниях, а также их владельцев. Масштабы скрытого дотирования, например, газовых корпораций со стороны остальной экономики, оцененные В. Маневичем, выражались в 2016 г. следующими цифрами. Если номинальная экспортная цена 1000 куб. м газа, переведенная в рубли по валютному курсу, составляла тогда примерно 10,5 тыс. руб., то реальная его цена, уплаченная внешними покупателями и рассчитанная по паритету покупательной способности, равнялась лишь 3,5 тыс. руб. Между тем внутренняя цена газа составляла 5 тыс. руб., что означало выплату остальными субъектами российской экономики газовым монополиям, неустанно подвергающим ее хищнической эксплуатации, 1,5 тыс. руб. ренты за каждую 1000 куб. м [9. С. 128]. Рентабельными в результате либерализации цен на топливном рынке могли оказаться лишь добывающие отрасли, присваивающие природную ренту, характеризующиеся куда меньшей сложностью производственных связей, довольно короткими технологическими цепочками, а потому и заметно менее подверженные любым формам дезорганизации;

- удельный вес извлекаемых из российских недр энергоносителей, перекачиваемых за пределы нашей страны, стремительно нарастает, серьезно ущемляя тем самым интересы их внутренних потребителей. «Россия не является, — полагает С. Кимельман, — сырьевым придатком. Напротив, наша страна является сырьевым донором многих стран, в первую очередь европейских» [6. С. 76]. Действительно, массовые банкротства в секторе обрабатывающих отраслей после запуска в нашей стране радикальных рыночных реформ резко сократили здесь спрос на топливо, что побудило добывающие его компании к активному поиску платежеспособных покупателей за рубежом, способных к тому же оплачивать свои покупки не ежедневно обесценивающимися рублями, а, напротив, неуклонно дорожающей конвертируемой валютой (с акцентом на доллары). Как отмечает А. Корнев, «внутренние потоки продукции добывающей промышленности были мгновенно переориентированы на экспорт по более высоким ценам» [8. С. 26]. Такой переориентации в значительной степени содействовала и случившаяся в 1990-х гг. форсированная либерализация внешнеэкономической деятельности, которая «открыла производителям конкурентоспособного, т.е. сравнительно дешевого и качественного (не испорченного обработкой) сырья доступ к внешним рынкам» [1. С. 11]. И хотя временно введенные в 1992 г. против воли МВФ экспортные пошлины несколько сдерживали ориентацию на Запад отечественных поставщиков, однако уже к середине 1990-х гг. XX века Россия превратилась в одного из явных мировых лидеров по вывозу нефти и газа. Потеряв загрузку после насильственного разрыва существовавших ранее технологических цепочек воспроизводства, производство отечественной наукоемкой продукции стало вынужденно мелкосерийным, что

привело к катастрофическому сокращению емкости внутрироссийского энергетического рынка. Форсированный экспорт энергоносителей в условиях либерализации внешнеторгового оборота, поспешного разрушения существовавшей в СССР государственной монополии внешней торговли и появления множества частных, конкурирующих между собой за доллары потребителя участников внешнеэкономической деятельности, явился немаловажной причиной перенасыщения мировых энергетических рынков и неуклонного снижения здесь цен на топливо (на 20–25%) сравнительно с теми, которые сложились бы при прежней ориентации российского топливно-энергетического комплекса на внутренние потребности нашей страны. Получается, что российские экспортеры топлива в строгом соответствии с навязанной нашей стране в январе 1992 г. МВФ и Всемирным банком программой рыночных реформ стали выполнять функцию вывода мировой экономики из потенциально возможной стагнации. Фактически они инициировали перемещение кривой совокупного предложения в странах «Большой семерки» вправо, ускоряя темпы неинфляционного роста последних и формируя здесь подлинное «экономическое чудо». В США после распада СССР обозначился рекордный по продолжительности 16-летний хозяйственный подъем, и ВВП этой страны неуклонно увеличивался с 6158,1 млрд долл. в 1992 г. до 14451,8 млрд долл. в 2006 г. Сменив объект своей непосредственной поддержки с прежнего инновационного сектора советской экономики на страны Евросоюза (особенно Германию), российский топливно-энергетический комплекс уже три десятилетия всемерно способствует хозяйственному процветанию коллективного Запада. Так, по сути, в ведущую целевую функцию государственного регулирования энергетического сегмента производственной системы нашей страны превратилось обслуживание стратегических интересов всемирного хозяйства, полупериферией которого во все большей степени становилась российская экономика. Ущерб, нанесенный ей Соединенными Штатами через своих агентов влияния в российском правительстве, не сопровождался какими-либо потерями для них самих, более того, агрессивные действия американцев влекли за собой немалые выгоды для их национальной экономики. Не случайно экс-председатель Федеральной Резервной Системы А. Гринспен признал в качестве глубинной причины крупных достижений экономики США в конце XX–начале XXI вв. (низкая инфляция, сокращение безработицы, рост производительности труда, бюджетный профицит в отдельные годы, крупное удорожание акций и недвижимости, достаточно сильный доллар и т.п.) вовсе не успешную внутреннюю политику, а изменившиеся в благоприятном направлении внешние условия, связанные с кончиной Советского Союза [4. С. 166]. Действительно, примерно полтора десятилетия после его развала ресурсного перетока сюда из республик бывшего СССР вполне хватало американцам для устойчивого экономического роста. Причем, массивная поддержка зарубежной экономики проводилась (имея в виду

очевидную ограниченность производственных ресурсов во всемирном масштабе) ценой насильственного заталкивания российской экономики в stagflationную ловушку и опережающего сокращения производства в несырьевых отраслях. Реализующие эту «историческую миссию» нефтяные, газовые, угольные компании, столкнувшись с тенденцией к понижению мировых цен, для поддержания на прежнем уровне своей валютной выручки стали неуклонно наращивать физический объем экспорта топлива и сырья, еще более выводя их с сужающегося российского рынка. Однако, в конце концов, и они постепенно становились жертвами собственного ценового экстремизма, прежде всего, из-за сокращения внутреннего спроса на топливо и сырье со стороны терпящих банкротство конечных производителей. В результате добыча нефти в Российской Федерации сократилась с 516,2 млн т в 1990 г. до 399,3 млн т в 1992 г. и 306,8 млн т в 1995 г. [3. С. 46], став немаловажным компонентом общеэкономического спада. В результате развертывания такой цепочки причинно-следственных связей российский монополизированный сектор промежуточных благ лишился значительной рыночной ниши – вначале на внутреннем рынке, а затем и на рынке США и Западной Европы, допуск на который отечественных экспортеров сегодня заметно ограничен, в том числе из-за разворачивающихся в современном мире многочисленных торговых войн и попыток введения санкционного эмбарго на поставки российских энергоносителей на многие мировые рынки, достигших апогея в 2022 г. Так что именно трансформация топливно-энергетического комплекса из «донора» отечественной экономики в «донора» других государств, многие из которых сегодня вовсе не склонны демонстрировать за это благодарность нашей стране, и повлекла за собой становление России в качестве так называемой (в либеральной трактовке) «великой энергетической державы». Превращению России в крупнейшего мирового нефтеэкспортера способствовало не только закрытие множества обрабатывающих предприятий в ходе их разрушительной приватизации, но и сильное занижение обменного курса рубля, резко усилившие тягу компаний к зарабатыванию долларов при форсированном вывозе нефти и газа. В результате если в США в 2007–2008 гг. добывалось 8709 тыс. барр. нефти в сутки, а их экспорт составлял всего 1433 тыс. барр. (т.е. добыча превышала экспорт в 6,08 раз), то в России подобный коэффициент опережения составлял лишь 1,43 (добыча 9756 тыс. барр., экспорт – 6845 тыс. барр. в сутки) [15. С. 47]. Конечно, за прошедшие годы американский экспорт резко возрос, достигнув в 2018 г. 450 млн т, в том числе нефти 160 млн т и нефтепродуктов в виде бензина, керосина и дизельного топлива – 290 млн т [16. С. 116]. Но и российский топливно-энергетический комплекс не стоял на месте. Только за период 2000–2011 гг. выкачивание из недр нефти и газового конденсата увеличилось в 1,6 раза (с 307 до 491 млн т), в то время как экспорт нефти возрос в 2,1 раза (с 122 до 258 млн т). Тот факт, что с 1992 г. по 2014 г. экспортная составляющая нефти выросла с 35%

до 56% [14. С. 45] (а если суммировать нефть сырую с перерабатываемой в нефтепродукты, то в XXI в. ее вывозится из страны даже три четверти [10. С. 19]), не может трактоваться иначе, как разбазаривание невозобновляемых национальных богатств, ущемляющее интересы будущих поколений россиян. Из добытых в 2019 г. 561,1 млн т нефти и газового конденсата 266,1 млн т нефти было направлено на экспорт [21. С. 694]. Если же добавить сюда еще нефтепродукты, 142,8 млн т которых направлено за границу, то экспортная ориентация достигла почти 76%. При этом на оплату импорта в разные годы уходило от 40 до 65% выручки от вывоза нефти, нефтепродуктов и газа. Остальная выручка использовалась «для чистого вывоза капитала частным сектором и/или правительством и выплаты доходов иностранным инвесторам и работникам» [10. С. 19];

- владельцами природоэксплуатирующих предприятий в результате приватизационной кампании присваивается преобладающая часть ренты, которая «вернулась в состав цены на продукцию добывающей промышленности» [7. С. 27], с последующим направлением ее на собственное развитие, что выражается в перетягивании ими на себя подавляющей и неуклонно возрастающей доли общенациональных инвестиционных ресурсов. Как отмечает В. Маневич, если за время стагнации и депрессии (2013–2016 гг.) объем инвестиций в основной капитал по российской экономике сократился примерно на 12%, то в секторе добычи полезных ископаемых он опять-таки возрос на 22,5% [9. С. 126]. Это свидетельствует о недопустимой анклавизации отечественной экономики, которая выражается во все более усиливающемся отрыве ее растущего за счет масштабных капиталовложений сырьевого сектора от остальных;

- усиливается косвенное налогообложение предприятий топливно-энергетического комплекса, провоцирующее резкое удорожание его продукции для конечных потребителей. В постсоветский период были выведены из-под акцизного налогообложения шубы, хрусталь, коньячный спирт и ряд других дорогостоящих потребительских товаров, взамен которых фискальные власти ввели акциз на бензин, дизельное топливо, нефть, газ, минеральное сырье, а также НДС и экспортные пошлины. Подобное расширение налогооблагаемой базы создало условия для интенсификации налоговой инфляции, связанной с переложением фискальной нагрузки на плечи покупателей топлива. Именно монополизм государства как сборщика косвенных налогов интенсифицировал действие некоего эффекта храповика (во многом нейтрализованного сегодня, например, в США): повышение мировых цен на энергоносители закономерно поднимает их внутрироссийские цены, а снижение в лучшем случае оставляет последние на прежнем завышенном уровне. Формально предприятия топливно-энергетического комплекса были и остаются главными налогоплательщиками (за исключением тех из них, которые, как и многие звенья химико-металлургического комплекса, зарегистрированы в офшорах, юридически утрачивая статус российских компаний), а выплачиваемые ими прямые и косвенные

налоги обеспечивают финансирование экономики и социальной сферы. На деле же подавляющая доля их налогооблагаемых доходов (включающих как прибыль, так и ренту) — это результат перераспределения через отмеченные выше механизмы доходов остальных субъектов отечественной экономической системы, являющихся на деле главными поставщиками средств в бюджетную систему России.

Деиндустриализованная экономика «трубы» исторически недавно начала превращать нашу страну в поставщика сырья для государств Евросоюза и Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего, Китая), а также в рынок сбыта выпускаемой здесь продукции. Подобно бразильской торгово-аграрной олигархии, издавна наращивавшей экспорт кофе, какао, сахара, хлопка в интересах приобретения за рубежом престижных потребительских товаров, строительства необходимых ей железных дорог и торговой инфраструктуры, российская сырьевая олигархия в последние десятилетия осуществляет крайне благоприятный для себя размен природных богатств на комплекс дорогостоящих потребительских и инвестиционных благ. Конечно, не следует воспринимать подобные эпитеты буквально, ведь общеизвестно, что Россия и поныне остается одним из двух крупнейших экспортеров вооружений, поставляет в США двигатели для ракетносителей, бурными темпами расширяется вывоз за рубеж ее аграрной продукции и т.п. Однако именно доминирующие в топливно-энергетическом комплексе олигархические кланы, представители естественных монополий, выражающие интересы не столько национального промышленного капитала, сколько капитала иностранного, получают максимальную прибыль. Будучи инвестированными в дальнейшее расширение своего сектора, их поистине баснословные доходы все дальше уводят его в отрыв от остальных звеньев народнохозяйственного организма. Всемерно укрепляя газовые и нефтяные компании, российские власти (в лице, например, премьера В. Черномырдина) параллельно крайне вяло противодействовали крушению отечественного машиностроения. Как результат, если в 1990 г. доля топливной промышленности в структуре российского промышленного производства составляла 6,8%, а машиностроения и металлообработки — 28,0%, то в 2012 г. соотношение между ними выразалось уже совершенно иными цифрами — 20,8% и 14,6% [17. С. 8]. А если к тому же вывести первичную переработку топлива и сырья из состава обрабатывающих отраслей и учитывать, например, нефтедобычу вместе с нефтепереработкой низкого передела, то реальное соотношение сырьевого и несырьевого секторов отечественной экономики окажется еще более убийственным. Проправительственные средства массовой информации через навязчивую и чрезвычайно затратную рекламу «Газпрома», «Роснефти» и других корпораций как некоего «национального достояния» стремятся сформировать у россиян гордость за обретенный страной в последние десятилетия полуколониальный статус сырьевого придатка развитых стран. Но оснований для

гордости, думается, становится со временем все меньше и меньше, что убедительно доказали последствия новых антиросийских санкций против абсолютно всех звеньев топливно-энергетического комплекса.

В результате отмеченных отличий роли энергетических отраслей в прежней советской и нынешней российской экономике экспортно-ориентированные сырьевые и внутренне ориентированные конечные отрасли кардинально различаются между собой по характеру взаимоотношений с государством, доступу к рентным доходам, степени адаптации к меняющимся внешним условиям, уровню рентабельности, а значит, и по перспективам сохранения и укрепления своего места в системе воспроизводства. Отраслевые структурные перекосы, присутствующие «самоедской» советской экономике, в ходе ее трансформации в ответственную разновидность рыночного хозяйства воспроизводятся на расширенной основе. Все большая часть населения страны проживает сегодня у нефтяного крана, газовой трубы, угольного разреза, прокатного стана, на лесоповале и в обслуживающей их инфраструктуре. В условиях столь ярко выраженной примитивизации отечественной экономики перспективы внутренне ориентированных отраслей выглядят весьма туманными, на что всерьез рассчитывают инициаторы резко усиливающейся санкционной войны против нашей страны.

Энергосырьевой сектор, функционирующий в сферах добычи, переработки, транспортировки и торговли топливом, базируется на бывших советских добывающих предприятиях, в которые с 1960-х гг. были направлены огромные капиталовложения. Они усиленно создавались в централизованно планируемом хозяйстве в качестве реакции властей на чрезвычайно высокую ресурсоемкость отечественных предприятий, производивших многообразную конечную продукцию. Традиционно трактуемая как дефект советской экономики (обозначаемый словосочетанием «утяжеленная структура») эта значимая структурная особенность обернулась подлинной удачей в ситуации, когда с начала XXI в. стремительный рост всемирного хозяйства и обострение политической ситуации в нефтеносных государствах Ближнего и Среднего Востока вызвали беспрецедентный скачок цен на топливно-сырьевые компоненты российского экспорта. Однако эта краткосрочная удача в макроэкономическом аспекте оказалась мнимой, поскольку нарастающий вывоз топлива за границу, его реализация по высоким ценам и в заветной иностранной валюте обернулись в долгосрочном периоде настоящим бедствием для ориентированных на внутренний рынок отраслей, лишив их привычных «тепличных» условий своего ресурсного обеспечения. Конечные отрасли были вынуждены приобретать промежуточные блага по завышенным монопольным ценам, и их попытки компенсировать свои затраты ростом цен обернулись переключением большинства потребителей на импортные аналоги. Широко распространенные до сих пор и даже усиливающиеся налоговые послабления для энергетических компаний оборачиваются перераспределением

налоговой нагрузки на конечные сектора отечественной экономики с соответствующими негативными последствиями для их функционирования.

Известно, что приоритетные обрабатывающие отрасли в современном мире являются объектом пристальной заботы властей, поскольку в отличие от добывающих, где экономический эффект можно получить довольно быстро, они характеризуются длительным сроком окупаемости инвестиций, требуют постоянного обновления оборудования и технологий, своевременного переобучения сотрудников. А коль скоро российские власти, помимо отчетливого нежелания учитывать эту специфику, оказывая масштабную бюджетно-налоговую поддержку в трудные времена именно сырьевикам, еще и позволили отраслям «валютного уклада» взвинчивать внутренние цены на топливо и сырье, то гибель многих обрабатывающих производств оказалась предопределенной. Это было связано также с неготовностью последних брать кредиты в коммерческих банках под завышенный процент (который в числе прочего вздувается сырьевыми монополистами, не озабоченными отслеживанием пропорций дележа сверхприбыли с банкирами), а также с высокой налоговой нагрузкой, особенно в части косвенных налогов, возлагаемой государством на конечных производителей, и с регулярным урезанием программ их субсидирования из государственного бюджета. При этом труднее всего приходится легкой промышленности, почти полное исчезновение которой было обусловлено невозможностью ценовой конкуренции с дешевыми азиатскими аналогами. Впрочем, высокие внутренние цены на топливо создали благоприятные условия для импорта в Россию даже фондо- и энергоемких товаров, активно вытесняющих с рынка отечественную продукцию.

Сырьевая модель экономического развития как результат либерализации цен по-российски стала побочным результатом деиндустриализации национальной экономики. В то время, как в досанкционный период российские экспортно-сырьевые компании, помимо внутренних источников кредита (гарантируемых самим фактором их высокой рентабельности), могли рассчитывать и на масштабные внешние его источники, стремительно наращивая корпоративный долг нерезидентам, компании, относящиеся к сектору конечных производств и четко ориентированные на внутренний рынок, не имели возможности полагаться ни на первые, ни на вторые заимствования. И параллельно с этим в стране интенсивно протекал процесс перераспределения ресурсов от конечных производителей в пользу сырьевых производств, а также финансового сектора. В результате в современной России на экспортно ориентированный сырьевой сектор (нефтяники, газовики, металлурги, производители удобрений и др.) и обогащающиеся на нем трубопроводный транспорт и торговлю (особенно сырьевыми ресурсами) приходится 63% ВВП, 83% прибыли и 73% инвестиций. Исходя из этого, называть факты опережающего роста цен на энергоносители и снижения относительных цен на многие виды конечной

продукции «закономерными», как это делают сегодня Э. Баранов и В. Бессонов [2. С. 150], – значит оправдывать порочную модель российской ценовой либерализации и начисто игнорировать имевшийся в то время ценнейший зарубежный опыт регулирования относительных цен.

Опережающий рост внутренних цен на топливно-сырьевую продукцию сравнительно с динамикой цен на продукцию конечную как проявление несбалансированного характера российской инфляции признается отечественными либералами вполне естественным явлением. «Цены на сырье и энергоносители, – отмечают Н. Акиндинова, В. Бессонов, Е. Ясин, – при этом закономерно росли опережающими темпами, а относительные цены на многие виды конечной продукции снижались» [1. С. 11–12]. Ничем, кроме как жадной обогащения олигархических собственников предприятий топливно-энергетического комплекса (и их представителей в правительстве), нельзя объяснить тот факт, что в настоящее время при реализации нефти и нефтепродуктов на внутрисоветском рынке их продавцы устанавливают цены «на уровне, обеспечивающем такую же доходность, как и при экспорте: мировая цена за соответствующий продукт за вычетом уплачиваемой при его вывозе экспортной пошлины и затрат на транспортировку данного продукта на экспорт» [1. С. 52]. Думается, что подобная «равновыгодность» внутренних и внешних продаж закономерно лишает всяких перспектив развития советскую экономику, объективно являющуюся и менее эффективной, и более энергоемкой сравнительно с передовыми странами. «Нынешняя структура и динамика цен в советской экономике, – отмечает С. Толкачев, – подчинены не целям модернизации, а задачам обогащения элит» [18. С. 40].

Масштабный перекося структуры советского ВВП в пользу сырьевых отраслей имеет, по нашему мнению, крайне негативные долгосрочные последствия. Во-первых, он гарантирует очень невысокую эффективность национальной экономики, коль скоро создаваемая в ней добавленная стоимость и уровень фондоотдачи оказываются намного меньше потенциальных, достижимых в случае решительной переориентации инвестиционных ресурсов в пользу отраслей, которые выпускали бы конечную продукцию. Во-вторых, отмеченные деформации инвестиционной сферы закономерно загоняют отечественную экономику в «инвестиционный тупик», когда «для поддержания даже умеренных темпов роста требуется все большее увеличение сбережения и накопления. В конце концов, может сложиться ситуация, когда никакие реально мыслимые нормы сбережения и накопления не обеспечат приемлемых темпов роста экономики» [10. С. 6]. Действительно, даже прогнозируемое удвоение ежегодного объема инвестиций в советский топливно-энергетический комплекс к 2030 г. не в состоянии блокировать тенденцию сокращения объема добычи нефти, ожидаемого в этот период. В-третьих, в России интенсифицируется «голландская болезнь» со всеми вытекающими из нее последствиями, например, для отечественного рынка труда и темпов экономического роста.

Поэтому с учетом сформулированного В. Фальцманом прогноза динамики нефтедобычи, российским властям уже сегодня во избежание спада ВВП нужно научиться замещать неизбежное ее сокращение (в среднем на 5% в течение каждого из 20 ближайших лет) другой, желательнее, все более высокотехнологичной продукцией [20. С. 62]. В связи с сохраняющимся и поныне немалым импортом и в обстановке завершения «эры Большой нефти» необходимо активно облагораживать структуру отечественного экспорта, крайне плохо вписывающегося в структуру и динамику мирового спроса, в котором в настоящее время, безусловно, преобладает продукция глубокой переработки. И если на рубеже веков российский экспорт последних лишь незначительно уступал их импорту, то в последующие годы, отмечает В. Фальцман, «Россия активно теряла внешние рынки продукции машиностроения. Увеличивалась импортная зависимость» [19. С. 14]. Не секрет, что тенденция к качественному ухудшению структуры российского экспорта в «тучные» годы XXI в. лишь укрепилась. Огромный экспорт промежуточных товаров в сочетании с не менее масштабным импортом конечной продукции с высокой добавленной стоимостью, вытесняющим с внутреннего рынка, например, продукцию отечественного авиастроения является мощным проявлением фиаско российского государства в сфере внешнеэкономической политики.

Как видим, с момента распада Советского Союза и последующего запуска либеральных рыночных реформ в нашей стране усиливается антагонизм между экспортно- и внутренне-ориентированным секторами. В российской экономике наблюдается изощренная эксплуатация сырьевиками конечных производителей. Десятки миллионов россиян, занятых в отраслях машиностроения, легкой, пищевой промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры испытывают на своем семейном бюджете последствия подобной эксплуатации. Сегодня российские властные структуры любят рассуждать о так называемой «цифровой экономике», «ни слова не говоря о цифровой индустрии и цифровой индустриализации — о производстве оцифрованных средств производства труда и оцифрованных машинных технологий» [13. С. 37]. Взамен подобных пространственных рассуждений им, на наш взгляд, необходимо переходить к незамедлительному решению минимум трех весьма актуальных задач.

Первая. Финансовым властям следует кардинально поменять избранное ими либеральное направление налогового реформирования топливно-энергетического комплекса, называемое большим налоговым маневром: вместо повышения НДС, убивающего через рост внутренних цен на энергоносители обрабатывающие отрасли, сократить его ставки, а понижение экспортных пошлин перевести, напротив, в режим их постепенного повышения (естественно, лишь в случае нахождения мировых цен на энергоносители на некоем естественном уровне) в интересах изъятия рентных доходов в государственный бюджет. Параллельно с таким усилением фискальной нагрузки на экспортно ориентированную часть топливно-

энергетического комплекса необходимо неуклонно распространять практику повышения рентных налогов на все другие виды сырья, вывозимого за пределы нашей страны – металлов, химического сырья, круглого леса и т.п. Необходимо, используя общемировую практику, стремиться к равным условиям рентного налогообложения всех недропользователей, независимо от вида добываемого ими сырья, прежде всего, в различных отраслях топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов. Ведь общеизвестно, что преобладающая часть стоимости металла – это овеществленная энергия, создаваемая, например, из природного газа. Некой аксиомой является мнение С. Губанова о том, что провести структурную диверсификацию и «повысить долю накопления в наших реалиях можно, только немножко пощипав олигархов. Потому что другого источника увеличить накопления нет, слишком велика олигархическая рента, которая уходит из страны» [13. С. 40].

Вторая. В обстановке постсанкционного сжатия спроса на российские энергоносители на мировом рынке следует вывести их форсированный экспорт (в том числе в альтернативном восточном направлении) из числа приоритетных задач, решительно перенаправив их на внутренний рынок. Поддерживая отказ от нефтегазового экспорта как самоцели, В. Маневич и Л. Слуцкий считают, что его объем уже сегодня целесообразно в максимальной степени приблизить к величине критического импорта. Необходимо, пишут они, «сократить экспорт энергоресурсов без ущерба для внутренней экономики, отказаться от освоения труднодоступных месторождений, перераспределить ресурсы инвестирования в пользу отраслей, обеспечивающих более высокую фондоотдачу» [10. С. 19]. И даже если импорт товаров и услуг снизить не удастся инструментами ввозных таможенных пошлин и квот, то его оплата на какое-то время вполне могла бы осуществляться за счет накопленных международных резервов, а вовсе не за счет дополнительной продажи энергоносителей с низкой степенью их обработки. Использование финансовых резервов является сегодня куда лучшей альтернативой продлению в будущее бесперспективного курса на хищническую эксплуатацию невозобновляемых энергетических ресурсов нашей страны в интересах их форсированного вывоза за границу. И если все же стремиться к наращиванию экспорта, то вовсе не сырья, а создаваемой из него конечной продукции с высокой степенью переработки через льготное кредитование и разумное субсидирование зарубежных покупателей, налоговые льготы, страхование рисков экспортеров и политическую поддержку крупных зарубежных контрактов. «Эффективность экспорта продукции, полученной на основе переработки нефти и природного газа, – подчеркивает М. Соколов, – многократно выше, чем экспорт сырой нефти и газа» [16. С. 122].

Третья. Для последовательной нейтрализации сырьевой модели экономического роста в России должна быть задействована зарубежная практика сокращения внутренних цен на топливо для конечных производителей, даже

если для этого потребуется временное оголение государственного бюджета путем уменьшения ставок акцизов и НДС. Так, власти США, в отличие от многих других нефтедобывающих стран, отчетливо делают акцент на понижение косвенного налогообложения нефтегазовых компаний, забирая у них не 60–70%, а лишь 22% доходов, в результате чего за 2005–2017 гг. цена газа на внутреннем рынке снизилась в 3,5 раза, а нефти – в 2 раза. В этом случае природная рента напрямую «перераспределялась в пользу обрабатывающих производств с использованием низких цен на продукцию добывающей промышленности» [7. С. 3] без ее предварительной аккумуляции в государственном бюджете. При всей внешней привлекательности подобной аккумуляции с последующим делением рентных доходов казны, трудно не согласиться с Ю. Петровым, отмечаящим, что «зная степень коррумпированности госаппарата и масштабы «откатов» при выделении госсредств, можно уверенно предполагать: при создании мощного механизма перераспределения ренты через бюджет значительная ее часть осядет в карманах чиновников и связанных с ними криминальных элементов в частном секторе» [12. С. 50]. В этом плане российскому правительству явно не помешало бы перенять мировой опыт проведения новой политики по отношению к ценам на первичные энергоресурсы, ориентированной «в первую очередь не на увеличение доходов от нефтегазовых отраслей, а на удешевление продукции обрабатывающих отраслей и расширение ее реализации на внутреннем и международных рынках и получение на этой основе возросших налоговых поступлений в бюджет страны» [16. С. 118]. Внутророссийские топливные цены не могут жестко детерминироваться их мировыми значениями, их уровень должен выводиться из насущных потребностей создания наиболее благоприятных условий для развития приоритетных обрабатывающих производств. Известно, что в Канаде топливо для сельхозпроизводителей, так называемое «розовое топливо», не облагается никакими налогами, что в сочетании с правительственным стимулированием сбыта продукции сельского хозяйства за границей (не столько страхованием экспортных сделок, сколько предоставлением льготных связанных кредитов зарубежным ее покупателям) заметно повышает чистую прибыль агрофирм. Использованию подобного канадского опыта в нашей стране препятствуют высокая степень монополизации топливных рынков и нежелание ФАС активно противодействовать дискриминации производителей конечной продукции и населения. И тем более назрела здесь необходимость решительного искоренения разнонаправленной динамики внешних и внутренних цен энергоносителей, связанной не только со стремлением монополистов переложить свои зарубежные потери на отечественных потребителей топлива, но и с желанием фискальных властей пополнить казну за счет их дополнительного косвенного налогообложения. Едва ли можно согласиться с утверждением Ю. Бобылева, что в современной России «внутренние цены на нефть и нефтепродукты фактически следуют за ценами мирового

рынка» [3. С. 52]. На деле они следуют за ними лишь при восходящей динамике тех и других. В случае же падения мировых цен на энергоносители соответствующие внутрироссийские цены не только демонстрируют поразительную устойчивость, но и зачастую движутся в обратном направлении. Между тем снижение энергозатрат отечественных предприятий в результате жесткого ценового регулирования на монопольных топливных рынках может уже через несколько лет вызвать взрывной рост объема выпускаемой ими конечной продукции в купе с ее последовательным снижением цен на нее.

Реализация комплекса этих взаимосвязанных мер является необходимым (хотя и не достаточным) условием обеспечения решительной диверсификации отечественной экономики в направлении опережающего развития обрабатывающих отраслей и, соответственно, перехода от преимущественно сырьевого роста к росту инновационному, которые способны стать действенным ответом России на вызовы современной экономики и угрозы разворачивающейся против нее коллективным Западом гибридной войны.

Литература

1. Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Ясин Е.Г. Российская экономика: от трансформации к развитию // М.: Изд. дом ВШЭ. 2018. 55 с.
2. Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. Взгляд на российскую экономическую трансформацию // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 142–158.
3. Бобылев Ю. Развитие нефтяного сектора в России // Вопросы экономики. 2015. № 6. С. 45–62.
4. Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы // М., 2009. 550 с.
5. Дасковский В., Киселев В. Нисходящая траектория экономики: причины и последствия // Экономист. 2016. № 3. С. 3–18.
6. Кимельман С. О влиянии недропользования на ВВП и консолидированный бюджет России // Экономист. 2020. № 1. С. 68–77.
7. Корнев А. Возможности роста отечественной экономики на основе ее реиндустриализации // Экономист. 2018. № 7. С. 3–16.
8. Корнев А. О восстановлении приоритета развития обрабатывающей промышленности // Экономист. 2020. № 3. С. 24–35.
9. Маневич В. Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 121–137.
10. Маневич В.Е., Слуцкин Л.Н. Долговременные макроэкономические факторы динамики российской экономики / научный доклад // М.: Институт экономики РАН. 2017. 49 с.
11. Овчинникова К.Н. Современное состояние нефтегазового комплекса России и его проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2013. № 6. С. 47–51.
12. Петров Ю. Экспортные пошлины на углеводородные энергоносители: отменить или усовершенствовать использование? (Об одном из предложений разработчиков «Стратегии 2020») // Российский экономический журнал. 2011. № 2. С. 49–68.
13. Программа развития России на срок до 2025 г.: вопросы разработки // Экономист. 2018. № 2. С. 32–49.
14. Рыжков Н.И. Природные ресурсы как составляющая национального богатства России: качественно-количественные характеристики, народнохозяйственная роль и проблемы

- повышения эффективности использования // Российский экономический журнал. 2018. № 5. С. 43–57.
15. *Смирнов С.* Факторы циклической уязвимости российской экономики // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 44–68.
 16. *Соколов М.М.* Перспективы потребления нефти в мире и динамика мировых цен на нее // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 4. С. 108–124.
 17. *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Индустриальная политика и развитие промышленных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 15. С. 2–21.
 18. *Толкачев С.* Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12. С. 26–43.
 19. *Фальцман В.К.* Об измерении экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 10–17.
 20. *Фальцман В.К.* О преодолении вызовов России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 60–70.
 21. *Филимонова И.В., Эдер Л.В., Проворная И.В., Черепанова Д.М.* Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 693–718.

Sergey Kapkanschchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Professor, Head of the Chair of Economics,

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ROLE OF THE OIL AND GAS INDUSTRY IN THE ECONOMIES OF THE FORMER USSR AND PRESENT-DAY RUSSIA

The article provides a comprehensive comparative analysis of the mechanisms of leveraging Russia's oil and gas resources in the Soviet Union and present-day Russia as ensuring the acceleration or on the contrary, slowing down the development of the innovative sector of the national economy.

Analysing the advantages and disadvantages of such mechanisms, the author describes the underlying reasons for the radical transformation of the role of the oil and gas industry from being a “donor”, which had contributed to the accelerated growth of the high value added sectors of the national economy, into a kind of “vampire”, which now is an obstacle to the development of high tech products and amplifies the symptoms of the “Dutch disease”.

The higher contribution of oil and gas sector to the high-quality growth of the Russian economy in the post-sanctions period is associated with a reversal of the current tax policy, the reorientation of a larger share of energy resources to the domestic market while limiting their exports to the volume of critical imports, and strictly regulating energy prices.

Keywords: oil and gas industry, price liberalisation, unbalanced inflation, stagflation, “Dutch disease”, tax manoeuvre.

DOI: 10.31857/S020736760020581-8